

Он выходит на сцену, похожий на одного из тех принцев, которых мы представляли себе по сказкам нашего детства. Именно таким он и должен быть — абсолютно идеально сложным, готовым на сказочные подвиги во имя добра, счастья, красоты. Именно эта царственность походки, благородство жестов, чистота классического танца, обаяние юности и покорили многих зрителей в выступлении молодого танцовщика Большого театра Союза ССР Александра Годунова.

На днях солист Большого театра Александр Годунов выступил в роли принца Зигфрида на сцене Горьковского театра оперы и балета имени А. С. Пушкина.

В одной из книг о балете пишется о «дивном мире сна репетиционных залов, этих больших мансард, выходящих окнами на крыши, освещаемых по утрам зарей, освежаемых утренним воздухом и вместе с этим отдающих запахом костюмов и канифоли...» Каждое утро танцовщиков всего мира начинается с этих залов. Даже на гастролях, когда режим работы очень строгий и трудный, они приходят в репетиционный класс, подчиняясь неумолимому авторитету и контролю балетного станка.

Мы беседуем с Александром Годуновым после такой репетиции.

— Саша, где вы начали свою учебу? Кто были первыми вашими учителями?

— Я родился в Южно-Сахалинске. Поступил учиться в Рижское хореографическое училище. Моими учителями в нем были Юрий Петрович Капралис и Артур Эккис. Во время учебы я подготовил несколько номеров и выступал с ними в училищных концертах.

— Когда вы пришли в профессиональный балет?

— После школы я в 1967 году поступил в ансамбль «Молодой балет», руководимый тогда Игорем Моисеевым. Там я занимался с интересными балетмейстерами Асафом Мессерером, Касьяном Голейзовским и Олегом Виноградовым. Голейзовский ставил у нас свои «Мимолетности», Мессерер — «Гран па». Кроме этого, я танцевал па-де-де из «Дон Кихота», «Корсар» и «Щелкунчика».

Работа в этом ансамбле дала мне многое. Во-первых, было много гастролей. А это значит очень напряженная работа, для которой требуется адская выносливость. Во-вторых, мы работали с разными балетмейстерами, что тоже очень обогащало творчески.

— А после был Большой театр?

— Да, это было в марте 1971 года. И первое, что я станцевал на сцене Большого, — это было па-де-тра из «Лебединого озера». И сразу же после этого я стал готовить партию Принца в этом же балете.

— Ни для кого не секрет, что в балете многое зависит от того, кто продолжает занятия с артистом, кто ведет у него класс усовершенствования, тем более в Большом театре, где это делают мастера самого высокого класса. Кто занимается с вами?

— Народный артист РСФСР Алексей Николаевич Ермолаев. Я считаю, что это сегодня единственный лучший педагог мужского класса. С ним занимались все премьеры Большого — Лавровский, Ва-

такль должен стать тогда, когда в нем выступишь много раз. Надо перетанцевать еще много спектаклей, чтобы потом было из чего выбрать, отметить самое твое, самое главное для тебя. Вот сейчас я готовлю партию Спартака в балете Хачатуряна на нашей сцене. Может быть, он и будет любимым моим балетом. После него я буду танцевать Ивана Грозного в одноименном балете, поставленном Юрием Григоровичем.

— Что главное, на ваш взгляд, в профессии танцовщика?

— Главное? Как бы человек хорошо ни танцевал, не удовлетворяясь своими работами, стремиться усовершенствовать свой танец, себя. Нет, не для публики, хотя и для нее, а для

ГАСТРОЛЬНАЯ АФИША

ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ О БАЛЕТЕ

силев, Владимиров, Лиера. Одно из самых основных его качеств то, что, работая с каждым, он не просто учит. Он исходит из индивидуальности танцовщика, из его данных и возможностей.

— Саша, вы стали лауреатом Второго международного конкурса артистов балета в Москве. Каковы ваши впечатления от него? На одной из встреч в Горьком вы сказали, что это самое трудное, что у вас было в жизни.

— Да, на конкурсе я танцевал в первом туре «Корсар», во втором — па-де-де из «Дон Кихота» и адажио из «Спартака», а в третьем — па-де-де Принца (в паре с Людмилой Сморгачевой) из «Лебединого озера». Очень волновался. Особенно страшным был первый выход. Все прошло, я бы сказал, в нервном шоке. Это трудно объяснить, это надо пережить...

— Какие партии сейчас вы танцуете в Большом театре?

— У меня сейчас пять балетов, точнее пять партий. Это Принц в «Лебедином озере» Чайковского, Юноша в «Шопениане», Вронский в «Анне Карениной» Щедрина, Хозе в «Кармен-сюите» Щедрина и Базиль в «Дон Кихоте» Минкуса. Последнюю я танцую восьмого ноября на сцене Кремлевского Дворца съездов.

— Какую из них вы танцуете с большим удовольствием? Если хотите, какой ваш любимый спектакль, в котором вы работаете с большим интересом?

— Я все-таки еще мало танцевал. Любимым спек-

себя. Если же он считает, что все хорошо, тогда он просто «затанцовывается».

— Проблема современности в балете не уходит, а наоборот, за последнее время становится все острее. Причем не только в полемике, но и в практике постановок спектаклей, хореографических программ. Что вы думаете о современности в балете?

— Современные спектакли обязательно нужны нашему балету. Сейчас, похоже, пока еще нет стройной системы языка нового современного танца. Нет такого сложившегося целого, как классический танец «Жизели», «Лебединого озера». Тысячи театров у нас и за рубежом ищут его, пробуют, экспериментируют. Наверное, этот поиск все-таки выльется во что-то единое и целое. Современные балеты очень нужны балеринам и танцовщикам. Они приносят новое и в классику.

Технически балет очень изменился по сравнению с прошлыми не только веками, но и десятилетиями. Теперь вопрос за хореографами и за исполнителями.

— Всех нас ждет большой праздник: нашей академии балета исполняется в этом сезоне 200 лет. Чем отметит балетная труппа театра этот юбилей?

— Главный балетмейстер театра будет ставить балет на музыку Эшпа «Ангар» (по пьесе Арбузова «Иркутская история»). Это будет большой балет. Кроме этого, нас ждут гастролы в города нашей страны: Новосибирске, Ленинграде, Свердловске.

— Спасибо за беседу.
С. ЧУЯНОВ.